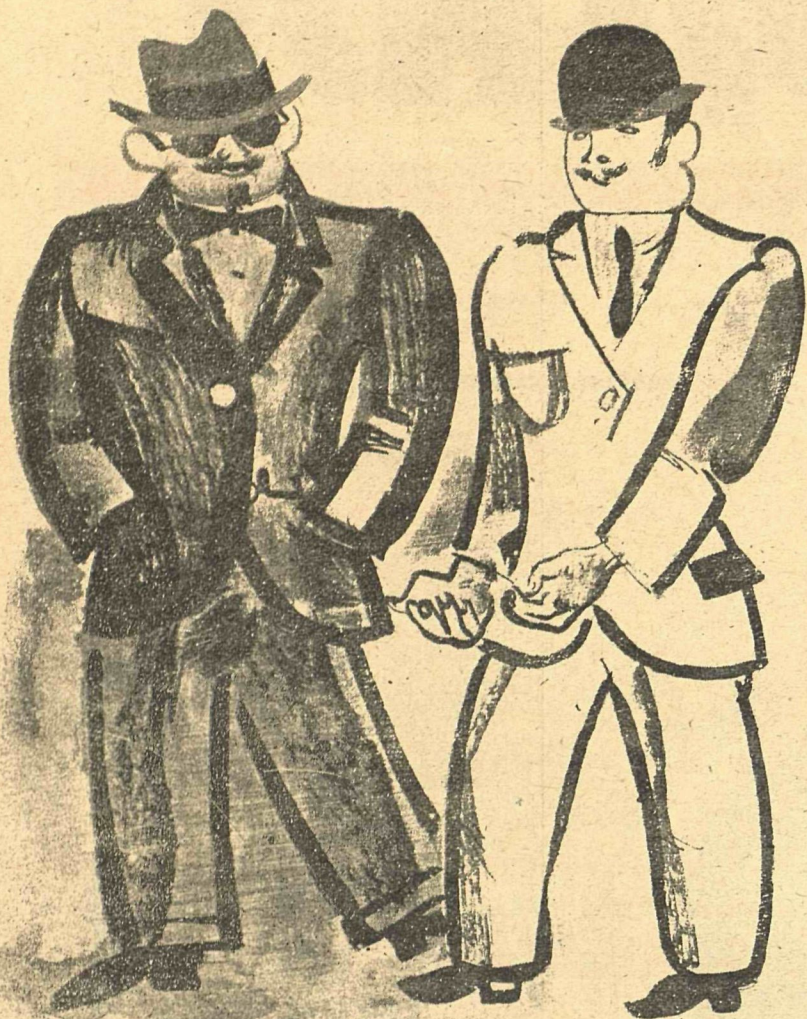

На процессе украинских депутатов в Ровно, начальник местной охраны Скальский у дверей суда лично инструктировал свидетелей, как и что они должны говорить на суде.

Рис. Н. Денисовского.

— Ты что-то путал. Почему раньше не приготовился?
— Я за рупь шесть гривен нанялся. Без репетиций.

НАПРАСНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ.

(То, что могло случится).
Среди селян распространена легенда, что тов. Калинин, переодетый в крестьянское платье, пешком обходит деревни, проверяя работу советов.

Антон Дергунов, парусом раздувая на тощих ляжках широкие, рваные штаны, как вихрь метался по деревне: от председателя — к совету, от совета — к секретарю, от секретаря — домой, а из дому — снова в совет. В глазах его был радостный испуг, а на лице торжественная важность:

— Он, он, как есть он! — говорил он секретарю свистящим шепотом, боязливо оглядываясь по сторонам.... — Прокофьев Алешка дал мне для сверки газету со снимкой,—до того всхоже,—прямо тютелька в тютельку!.. Важный такой... и очки воском склеены.

Секретарь разом вытаращил глаза, вскопчил, быстро натянул один сапог, потом раздумал, махнул рукой и в одном сапоге побежал через улицу к председателю, на ходу приказывая Антону Дергунову:

— Беги в совет... нет! Пстой! Ступай скажи моей бабе, чтобы дала тебе гуся там пожирней. Стой! Погоди... пойдём со мной к председателю... а гуся потом!

Председатель, уже извещенный, с побагровевшим лицом, старался во что бы то ни стало застегнуть ворот новой красной рубахи. Ворот был узок, руки дрожали, и ничего не выходило. На Дергунова он набросился сразу с матюгом:

— Где же ты, сукин сын, раньше был? Сказано тебе было пулей лететь сюда, а ты... Ну! Что моргаешь? Спросил, как его зовут?

— Спросил, Иван Степанович... Как ты приказывал. Я ему тихонько занюнул: как, мол, дела-то, Михайла Иваныч? А он как вскинет глазами с под очков—одно очко разбитое—строго так поглядел:—а ты, говорит, почему знаешь, как меня зовут? Оробел я — страсть! Ну, только виду не показал:—ребята, говорю, сказывали... Повернулся, да прямым трахтом—вот к нему, к секретарю...

— А как он про себя говорил? Кто, мол, он?

— Я, говорит, странничек божий... Ко святым местам иду на поклон.

— Ах, чорт! Вот ведь ловко туману напускает!.. Ну, ладно! Чорта ли вы тут стоите оба, как истуканы! Ну? Что зенки-то вытаращили? Дело надо делать! Что стоишь, как бревно, в одном сапоге? Сделать ему сейчас обед! Тем временем в совете все привести к одному

знаменателю... А потом — стучи в доску, собирай сход на торжественное собрание... Поняли?

Секретарь с заминкой потер босой ногой о сапог:

— Как же... торжественное собрание... неладно вроде будет... он ведь тайком пришел... невидимкой, под незамет... ..

Председатель вскипел:

— Мы ему не скажем, что торжественное!.. Мы только своим скажем, а он пушай думает, что у нас каждый день так собираются. Понял? Ну, ступай, не отвечивай... Да если что нужно там к обеду... или подушку на постелю, — так у жены моей возьмите!

На сходе было празднично-шумно. В середине приодетой возбужденной толпы с красными знаменами и старыми плакатами: «Да здравствует комсомольское рождество!» и «Долой Керзона!» — на возвышении сидели: секретарь совета, председатель комитета взаимопомощи и странник в пыльном сером армяке с остренькой жидкой бородкой и в очках, скленных воском. Председатель держал речь, постоянно оглядываясь на странника, который покашливал в кулак и смущенно ежился, кивая головой в ответ на обращения председателя.

— Товарищи крестьяне! Работа нашего сельского совета вам всем известна, и уважаемый дорогой товарищ странничек также ее одобрил. Но, товарищи, мы и дальше будем твердо идти вперед в смысле смычки, каковая нам желательна. И сегодня согнали вас всех сюда — вы думаете для чего? Глотки драть? Нет, товарищи крестьяне! Это сделано всецело для оживления советской работы. И чтобы втянуть вас всех в строительство низовых органов. Мы не будем смотреть — кто женщина и кто мужчина, — а чтобы каждый был втянут и оживлен. И наш уважаемый гость и товарищ странничек вам может это подтвердить, руководствуясь бумагой из центра, красной Москвы, каковая — ура и да здравствует! В смысле же кооперативных дел, а также комитета взаимопомощи, — я скажу, что у нас все поставлено показательно. И в лавку не далее, как вчера, на ваших глазах привезено было все необходимое, как-то: гвоздей, колесной мази и прочего, согласно накладной. Кулакам мы объявили беспощадный бой и твердо говорим им согласно центральной власти: не командуй! Вот наша программа дня на целый год. Кому она не нравится, то пусть те выскажутся, и мы им смело скажем: скатертью вам дорога!..

После председателя говорили секретарь и председатель комитета взаимопомощи, который, по уговору, закончил так:

— А теперь на предмет антирелигиозной и поповской пропаганды — мы просим нашего дорогого гостя, товарища странничка, высказать, как он это понимает. И пусть Михайла Иваныч расскажет нам, темным, как думают там, у них в Москве, про все наши дела.

Сход загудел, потом замолк. И, подталкиваемый и поддерживаемый председателем, странничек встал на возвышенное место... И над сходом зазвенел дребезжащий, гнусавый тенорок:

— Православные! Братцы родненькие, сестрицы миленькие. Подайте странничку убогому на построение храма святого Николая, угодника мирликийского...

Из-под ветхой хламиды показалась иконка с ящичком для денег. Странничек снял шапку, сдвинул на лоб очки...

И вдруг все — и председатель, и секретарь, и весь сход, — увидели, что у странничка левый глаз вытек, на голове лысина и совсем, совсем не похож он на Михайлу Ивановича Калинина.

Ну, ни чуточки!

Прямо, как наваждение какое случилось, будто всем глаза песком засыпало.

Вас Лебедев-Кумач.

ДОЛГИ.

В О-во Содействия Жертвам Интервенции поступило около миллиона претензий, на сумму—1.800.000.000 руб. (Из газет.)

I.

Англичанин мистер Пферум, с аппетитом с'ев паштет, В злой вражде с СССР-ом, переваривал обед.
— Коммунистов надо-б высечь, подвели, еше и как!.. Сэр Деникин—двести тысяч... Та же сумма сэр Колчак. К сожаленью, шансы слабы... У Москвы упорный грунт. По червонцу взять хотя-бы барыша на каждый фунт. Это будет... Сердце таег. Нега в чашечках колен... Мистер Пферум умножает...—Будь на помощь... Чемберлен!..

II.

Пред торговкой Селестиной коммерсант месье Лебе:
— Надо быть совсем скотиной, чтоб вредить самой себе... Вы, мадам, глупее.. пыли, очень мягко говоря... Вы вагон бумаг купили царских после „октября“... Вы-б теперь богачкой были, зарубите на носу!.. Вы-ж в обертку их пустили, продавая колбасу!.. Слезы льют ручьем у бабы, рвет бедняга волоса:
— Я Ротшильдом быть могла-бы... Подкузмила колбаса.

III.

Шульце Ганс за бланком счета колыхнул немецкий жир:
— Гот, с России как-то, что-то надо взять за... Брестский мир. В честь аннексий, контрибуций оттягать и лес, и дол, Только, дай, вернется куцый, но державный наш орел.

IV.

В деревушке „Вшивой Горке“, от ребят уйдя в сарай, Говорил Ипат Егорке: ты, по совести, считай:
Овцы, свиньи, конь, корова и добра два сундука, Все раскрасили, бестолково, колчаковские войска. Офицер бутылкой водки мне скулу свернул назад, Сын в могиле, дочь в чахотке, от испугу помер брат!..

V.

Коль мужик взялся за счеты, ваша прибыль не тае... Отдохните от работы сэры, геры и месье. Час расплате будет горек, сколько цифр ни заноси... Посчитайте, сколько „Горок“ наберется на Руси?..

М. Андр.

„ВЕРНОЕ ДЕЛО“.

Читатель, сочувствия просим,
Если жалость есть в сердце твоём:
Аршин в нашей комнате—8,
А в аршинах мы с Осей вдвоём.

А за стенкой фанерною рядом
Рояль и его укротительша—
Консерваторка-учительша.
(Ученицы приходят к ней на дом!).

Рояль, этот зверь диковинный,
Он страшней Чемберлена и Керзона.
И под рев и рычанье Бетховена
Была им бедняга растерзана.

А впрочем, не знаю, как там,
Быть может, все было проще,
Но факт остается фактом,—
Освободила жилплощадь.

Жилплощадь рядом!—
Обалдел.

Лечу снарядам

В Жилотдел:

Направо—бюро,
Над бюро—перо,
Над „перо“—ногти,
Над „ногти“—локти,
Выше головы белобрысина,
Жидкий пробор и лысина,
И видно по глазам,
Что это не „сам“, а зам.

У зама в глазах внимание,
Дымкой покрыты палевою.
Приготовленную заранее,
Залом тираду выпаливаю:

Дело в том,

Что мы вдвоём

В условиях паршивых,

В восьми аршинах

— Живем уже третий год.

А в той же квартире

№ 24

Скончалась девица.

Нельзя ли вселиться?

Вот!

„Это, как товарищ Уткин,
А его, к несчастью, нет.
Приходите через сутки
И получите ответ!“

Каждый день я, каждый день я
Навещаю учрежденье.

Все дела знакомы стали
До мельчайших до деталей.

Знаю: почерк управдела

Не выносит машинистка.—

Он в ней видит только тело,

А когда она болела,

Поступил он с Машей низко.

Каждый день я, каждый день я

Навещаю учрежденье.

А порою на день дважды...

И поймал „его“ однажды.

„Сам“ еще вежливей зама—

Не даром он „самом“ там.

Рухнул воздушный замок,—

Вот, что сказал мне „сам“!

— Комната эта

Для члена Совета

Мною взята на учет.

Но не падайте духом:

Над вами старуха

В 29-ой живет.

И если жилища—

Молодая девица—

Скончалась недавно,

То старая дама,

Живущая тама,

Помрет и подалее—

Уже у старушки кашель.

Эта комната будет вашей.

Мих. Вольпин.

ИЗНАНКОЙ НА-ЛИЦО.

(Из случайных разговоров).

I.

— Что значит революционная законность-то!.. Предложил я вчера Семечкину, помначу станции, это самое... понимаете? Так он на меня ногами затопал и едва в ГПУ не отправил.

— А сколько вы предложили?

— Червя показал... Уж и сам понимаю, что свалил дурака: меньше, чем с тремя, к нему, говорят, и не подступайся!

II.

— Кампания за снижение накладных расходов дала, все-таки, заметные результаты. Ты присмотришь, например: теперь учрежденская публика гораздо реже раз'езжает по городу на автомобилях...

— Да зачем же ей по городу раз'езжать? Небось, лето сейчас: каждый норовит за город поехать, на дачу.

III.

— Приехал, вот я, из провинции, ходил тут у вас по разным учреждениям... И знаете, что... Вынес, представьте, впечатление, что волокиты, бумажного формализма, канцелярщины стало значительно меньше...

— Товарищ, да как же иначе-то? Ведь, сейчас, по летнему времени, пятьдесят процентов служащих—в отпуску!

IV.

— Что-то расклеился я совсем... Нездоровится что-то и нездоровится. Надо будет в отпуску попроситься, по болезни.

— Позвольте, но ведь вы только что вернулись из санатории?..

— Ды про что-ж я и говорю? Санатория,—ну, там прогулки всякие, «лунные ванны», ком-

панейский народ, дешевое вино, то да се... А здоровышко у меня, надо сказать, всегда было слабое: вот и расстроилось.

V.

— Неважный у нас секретарь, даже вовсе плохой... За одно только одобряю его: лицом к деревне не поворачивается. Ну, за это хвалю!

— То-есть, как?

— Да так. Опухши всегда... Нешто можно такое лицо деревне показывать?

VI.

— Нет, это даже удивительно. Полностью ликвидировали неграмотность! Ни одного неграмотного на всем предприятии! А давно ли было свыше десяти процентов неграмотных?.. Ну, честь и хвала завкому! Как же это вы ухитрились—за такой короткий срок?

— А очень просто. Сокращение штатов было,—на двадцать процентов...

Гр—н.

СВЕРХСВОБОДА.

Были годы сверхсвободы,
Как хотели, так и шли:
Два прижатых, три замятых,
Пять затоптанных в пыли.
Ванька Каин, сын окраин,
Делал „давку“ на Тверской:
Пять нэпманов без карманов,
Без часов мастеровой.
Мани, Нины, у витрины,
Щебетали целый час:
Две слетели прочь с панели,
Одному подшибли глаз.
Шли порою мостовую,
Прямо, косо, этак, так...
Под мотором франт с пробором,
Под трамваем дамский сак.
Были годы сверхсвободы,
Как хотели, так и шли:
Два убитых, три избитых,
Шесть одетых в.. костыли...

М. Андр.

Рис. Ив. Малютина.

В УЕЗДНОМ КООПЕРАТИВЕ.

— Опять наш председатель привез для церкви свечей и ладану.
— То-то, я смотрю, кооператив у нас на ладан дышет.

НЕ ПУЩУ!

(Вольная трактовка картины И. Репина).

РАДИО-ПЬЯНИЦА.

(Жалоба жены).

— Не знаю, что с нами станется,
Ждет нас, наверно, сума...
Мой-то, радио-пьяница
Вовсе сошел с ума.

Чуть с работы вертается,—
Прямо ни пьет, ни ест,—
В угол к себе забирается,
Словно петух на насест.

Сядет. Глазищи вытаращит,
Этак печально в угор.

Все инструменты вытащит,
На уши взденет прибор.

В камешек тычет иголкой,
Ровно какой чумовой...
Плачу, ругаюсь без толку я,—
Только трясет головой.

То улыбнется ласково,
Скажет:— Ага! погоди!
То вдруг зубами заляскает,
Тут уж и не подходи!

Прямо не жизнь — а каторга.
Нет у детей отца.
Главное — это надолго,
Горю не видно конца.

С пьяницей — легче маяться:
Заплет неделю сподряд,
Потом уймется, покается,
В цирки водит ребят.

А этот, последние денюжки
Все норовит — в аппарат,
Ну, прямо рехнулся. Вершь ли:
Как чумовой, в анкурат!

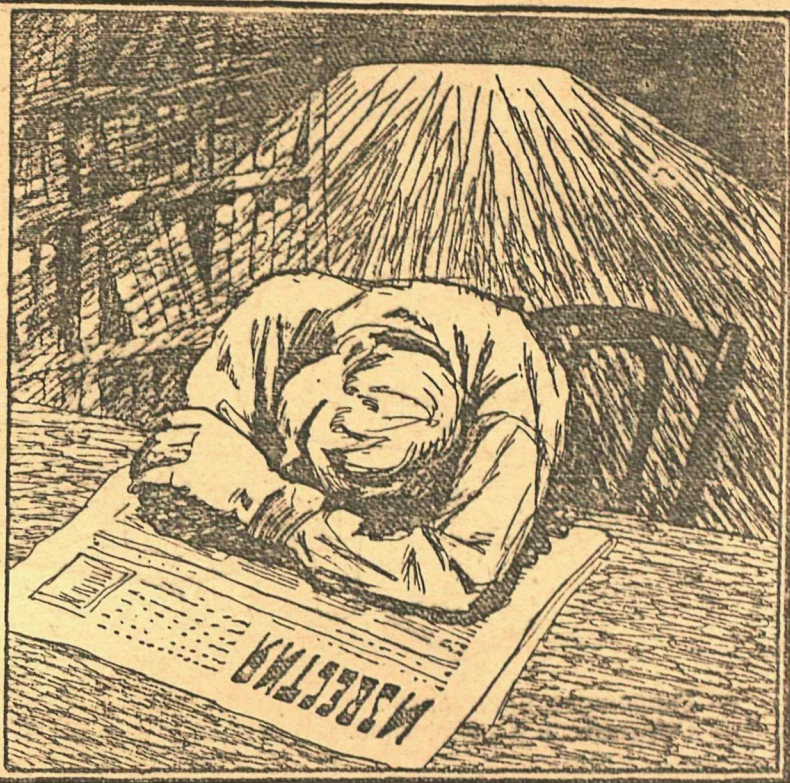
Нет хуже радио-пьяницы,—
Чудные бормочет слова...
Не знаю, что с ним и станется.
Кругом идет голова.

Вас. Лебедев-Кумач.

Рис. К. Елисева.

Передовицы «Известий» не дают по ночам спать Чемберлену.

Зато советскому читателю они дают возможность сладко всхрапнуть в любое время дня и ночи.

ТОРЕАДОР.

В городе сразу стало веселее.

Казалось, даже собаки звонче залаяли, и в кооперативах приказчики проворнее отпускали товары. Казалось, в канцеляриях жизнерадостней скрипели перья и били барабанную дробь «ундервуды».

В городе жизнь забурлила и закипела.

Во всем этом были виноваты розовые, зеленые и синие афиши, расклеенные на покосившихся заборах и телеграфных столбах. Вот что на них было напечатано огромными черными буквами:

— Смерть атлета. Степан Пикфардини на своей богатырской груди будет держать платформу, по которой проедет пожарный обоз второго района в полном составе, как выезжающий на пожар. И проскачет на лошадях кавалерийский эскадрон.

СЕНСАЦИОННОЕ ЗРЕЛИЩЕ. С. Пикфардини тореадор, т. е. бой быков в Испании. Борьба с 6 большими живыми быками. Все быки—производители коммунального хозяйства. Кто сильнее, я или разъяренные быки? Прошу нервных во время исполнения не присутствовать.

В здоровом теле — здоровый дух, как сказал тов. Семашко.

С почтением шлю всем воздушный поцелуй и привет.

С. Пикфардини.

Вот что волновало умы. Вот о чем шли разговоры и бесконечные споры.

С утра у кассы сада «Красная Заря», где должно было произойти знаменитое представление, стоит две очереди: простая и профсоюзная. Хвост первой загибался у бывшего полисадника бывшего исправника и кончался у чортикова мостика. Хвост второй доходил до лесопилки, за бойнями.

Ясно, что сад «Красная Заря» был битком набит, так что не только яблоку негде было упасть, но и семечки граждане сплевывали на спины и плечи соседей.

Духовой оркестр сыграл четыре марша и раз семь повторил «яблочко». Затем на сцене появился представитель Уполитпросвета и прогремел:

— Товарищи, тише! Я буду краток. Осветив вопросы физкультуры в прошлых столетиях, я дойду до наших дней,

когда мы можем демонстрировать такие мировые рекорды, которые не снились прогнившему насквозь капиталистическому строю. Я имею в виду красного атлета, товарища Пикфардини...

Оркестр сыграл Интернационал.

Представитель Уполитпросвета откашлялся ровно и спокойно, изредка бия себя в грудь и сморкаясь, говорил два часа.

Когда он кончил, на сцену выбежал в трусиках мускулистый чернобородый мужчина лет под сорок. Раскланиваясь и улыбаясь, он послал во все стороны воздушные поцелуи и сказал:

— Граждане, а также и товарищи! Я сейчас начну самый опасный номер—это с быками. Быки очень здоровые и злые, слышите—мычат! И этот номер не всегда удается. В прошлом году 4 месяца в больнице провалялся... Итак может быть, через каких-нибудь пяток минут разорвут меня на части окажные звери, и я уж не буду дышать. Нервные и которые боятся крови, лучше уйдите!

Кто-то из публики крикнул: не надо! Кто-то, жалеючи, вздохнул. Но Пикфардини уж скрылся за кулисами...

Через минуту шесть быков, задрав хвосты, с ревом выбежали на сцену и со сцены неуклюже скovyрнулись в сад. За ними бежал Пикфардини, но уже не в трусиках, а в галифе и кожаной курточке.

Раздались отчаянные крики и затрещали деревья от нависших граждан...

Последними уехали пожарные и кавалеристы

У сада «Красная Заря», понуря головы и тяжело дыша, стояли присмиревшие, мокрые быки и возле них небольшая группа сочувствующих им граждан.

— Чем это он их? — спросил кто-то.

— Известно, скипидаром смазал, гадюка.

— Вот тебе и красный атлет...

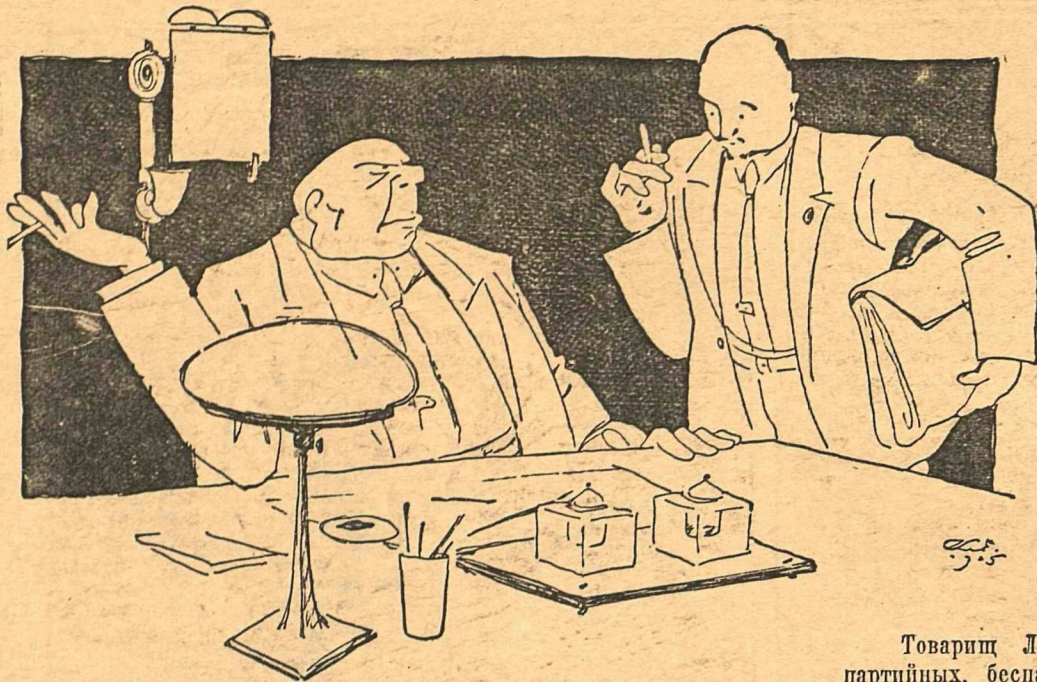
— Товарищи,—сказал тогда строго об'явившийся тут-же, представитель Уполитпросвета, — безусловно, Пикфардини фашист и враг пролетариата, который воспользовался случаем, чтобы дискредитировать нашу власть. Но не отчаивайтесь, к нам едут на гастроли король черной магии—Нил-Сант, знаменитая чревовещательница — Агис-Ада и малолетняя танцовщица Мани. И тогда все трудящие нашего города получат разумный отдых и удовольствия!

Быки тяжело вздыхали.

Бор. Левин.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ МАШИНА.

Рис. К. Елисева.

- Разрешите прикурить...
- Обратитесь к секретарю.

ЗНАХАРЬ.

В дер. Клеванцево, Юрьевского района, Семёновской вол., у крестьянина Ромашева заболела лошадь. Знахарь из дер. Клементьево объявил Ромашеву, что больной лошади нужно грызть хребет. Грыз знахарь хребет целую ночь. Утром лошадь околела.

«Приволжская Правда».

Войдя вместе со знахарем в избу, Игнат сказал жене:

— Собери-ка, Татьяна, нам подзакусить, да попроворнее. Да четвертушку с самогоном подай. А то целных десять верст от Клементьева пешедралом перли. Спасибо вот Никите, вошел в положение и пешком иттить согласился. А то бы пропал наш буланый. А теперь вылечит!

— Это уж будь благонадежен, — забормотал знахарь, здоровенный цыганистый мужик: — потому я сызмальства на этих делах состою. Животина, — ее тоже понимать надоть! Мне на лошадь и смотреть не требуется, я и так узнаю, какая у нее хворь. Перво-на-перво скажи мне, домовою ее не обижает?

— Да как тебе сказать? — почесал в затылке Игнат: — особливого ничего не замечал. Только, как я уж тебе объяснял, оказия эта, таким манером вышла. Приехал я из поля, распрег мерина, замесил! Вдруг, вижу — легла лошадь, к месиву не встает, скушная такая и в брюхе у ее урчит. Понятно, меня как обмороком обшибло. Пропала, думаю, лошадь. А без лошади, сам знаешь, какое хозяйство. Погибель! Есть у меня еще жеребенок годовалый, породистый, да в дело еще не скоро произойдет. Тут которые суседи советуют: веди, дескать, к вет.ринару. А как ее вести, когда она с места не встает? Тут меня бабка одна к тебе и послала. За пятерку, грит, поставит мерина на ноги.

— Правильно! — пробормотал знахарь, потягивая самогон. — Вет.ринары эти — пустяковый народ, никак не могут по настоящему болезни угадать. А я могу. Сразу вижу, что чемер у животины, аль сплех, аль там дурная кровь. Вот, к примеру, у твоего мерина, хоша я его и не видел, сразу знаю, какая болезнь. Дурная кровь ему в хребет бросилась, вот оно что. И надоть ему непременно хребет погрызть, дурную кровь выпустить.

— То-есть, как это — погрызть? — удивился Игнат.

— А очень просто. Грызть, пока дурная кровь не выйдет. Конечно, надоть веревкой ноги ей спутать, чтобы, значит, не дрыгалась, — пояснил знахарь. — Давай веревку! Выпью вот еще чебарушечку и пойду погрызу. Небось, хоша и темно, а нащупаю. А ты со мной не ходи, а то пути не будет.

— Ладно уж! — вздохнул Игнат, — жалко животину, да уж ежели так надоть, — грызи. Ничего не поделаешь. Только уж вылечи, сделай милость!

— Не сумлевайся, поставлю на ноги! А хребет потом дегтем помажешь, и заживет.

— Мерин в хлеву направо, — крикнул вслед Игнат, — в левый не ходи, там жеребенок.

— Ладно, чай, я не пьяный, — сердито отозвался знахарь со двора. Через час знахарь с окровавленной бородой, тяжело дыша, вошел в избу и проговорил:

— Ох, и уморился я! Хорошо еще, что зубы у меня здоровенные. Вот выпью еще чебарушечку и еще погрызу.

— Постарайся, сделай милость! — попросил Игнат.

Знахарь вышел на двор, но скоро вернулся в избу и сказал:

— Вот, видишь, встал твой мерин на ноги.

— Ой-ли? — радостно вскричал Игнат.

— Верно говорю. Веревку даже распутал, а в темноте я ее найти никак не могу. Давай другую веревку, или, вон, возьми, у тебя на кольчике висит. Спутаю и опять погрызу. Отутьбит лошадь, будь благонадежен.

Знахарь выпил еще стаканчик и, пошатываясь, с вожжами в руках, вышел на двор. Вернулся он под утро, весь в крови и пробормотал:

— Совсем отутьбила животина. Боролся я с ней целый час, едва свалил с ног и спутал. Чуть меня не убила. Всю дурную кровь выпустил. Выпьем еще по чебарушечке?

Выпив, знахарь свалился на лавку и захрапел. Утром Татьяна вышла доить коров. Неожиданно Игнат увидел жеребенка с окровавленным хребтом, еле дрыгающего связанными ногами. Рядом лежал в хлеву весь в крови буланый мерин и уже не дышал. Игнат бросился в избу и растолкал знахаря. Тот вышел на двор, взглянул на окоевавшегося жеребенка, на застывшего мерина, почесал в затылке и пробормотал:

— Ишь ты, какое дело-то получилось? Обмиснул я малость. Сперва правильно хребет буланому мерину грыз, а потом жеребенка за него принял. В темноте долго ли спутать? А ежели бы догрыз, отутьбел бы мерин. Это уж, как пить дать!..

Н. А. Карнов.

О КРАТКОСТИ.

(Тан, вроде парт-басенки).

I.

Товарищ Лиманов всегда бывал краток. Свои выступления на партийных, беспартийных и смешанных собраниях и заседаниях он так, обыкновенно, и начинал:

— Я буду краток, товарищи! Которая тут раздавалась по моему поводу критика, то прямо скажу: с попытками недопустимого дискредитирования я покончу раз навсегда! С корнем выдерну проявление подобного саботажа! И которые тут раздавались голоса, то как бы им не пришлось очень раскаться, потому что мне сразу видно, откуда идут эти штуки!..

Слов у тов. Лиманова было немного, но слова эти были ясны, сильны, доходчивы и весьма вразумительны...

— ...С акулами заодно?! С беспартийной сволочью стакнулись?! Гидру тут возвращать, которая голову подымает?.. Контрреволюцию разводить?! Ну, только мы это еще посмотрим!.. Скажу, между прочим, что телефон у меня в полной исправности, и позвонить, куда следует, мне очень недолго. И уж тогда с господами товарищами, которые тут бузу думали развести, будет у нас разговор в другом месте!

Слова пугали.

Люди пугались.

Товарищ Лиманов действовал... Времени на ненужные разговоры у него оставалось все меньше и меньше. И он еще более сократил размер своих выступлений, начиная их так:

— Я буду оч-чень краток, товарищи!..

II.

Товарищ Лиманов бывал очень краток. Чем кратче он делался, тем внушительнее звучали его слова, и тем сильнее пугались многословные оппоненты.

— Размазней словесной меня не проймешь, — говорил тов. Лиманов. — Слыхали ораторей!.. С акулами заодно?!

Но случилось вдруг так, что один оратор высказался еще кратче тов. Лиманова.

— Я буду окончательно краток, — заявил он. — Укажу тов. Лиманову на революционную законность. Опять же, имеется прокурор. И добавлю к сказанному только несколько букв: губ-к-к.

Такой необычайной краткости тов. Лиманов не смог ни превзойти, ни перенести.

Тов. Лиманов испугался.

Товарищ Лиманов даже ушел.

Куда—в точности неизвестно. Но известно—откуда:

— Из РКП (б).

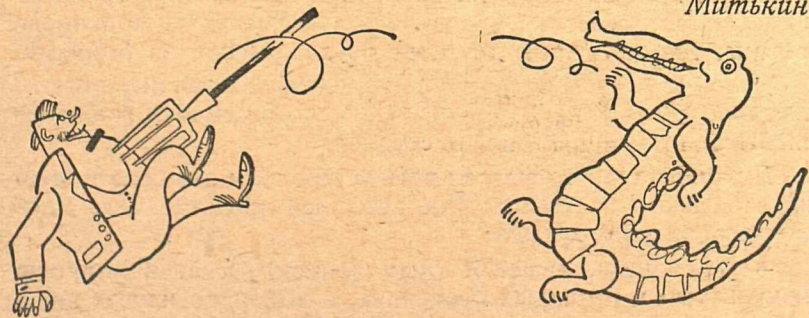
А краткий оратор стал выражаться еще кратче:

— Рев-законность, товарищи!..

Регламент—полминуты.

Возражений не было.

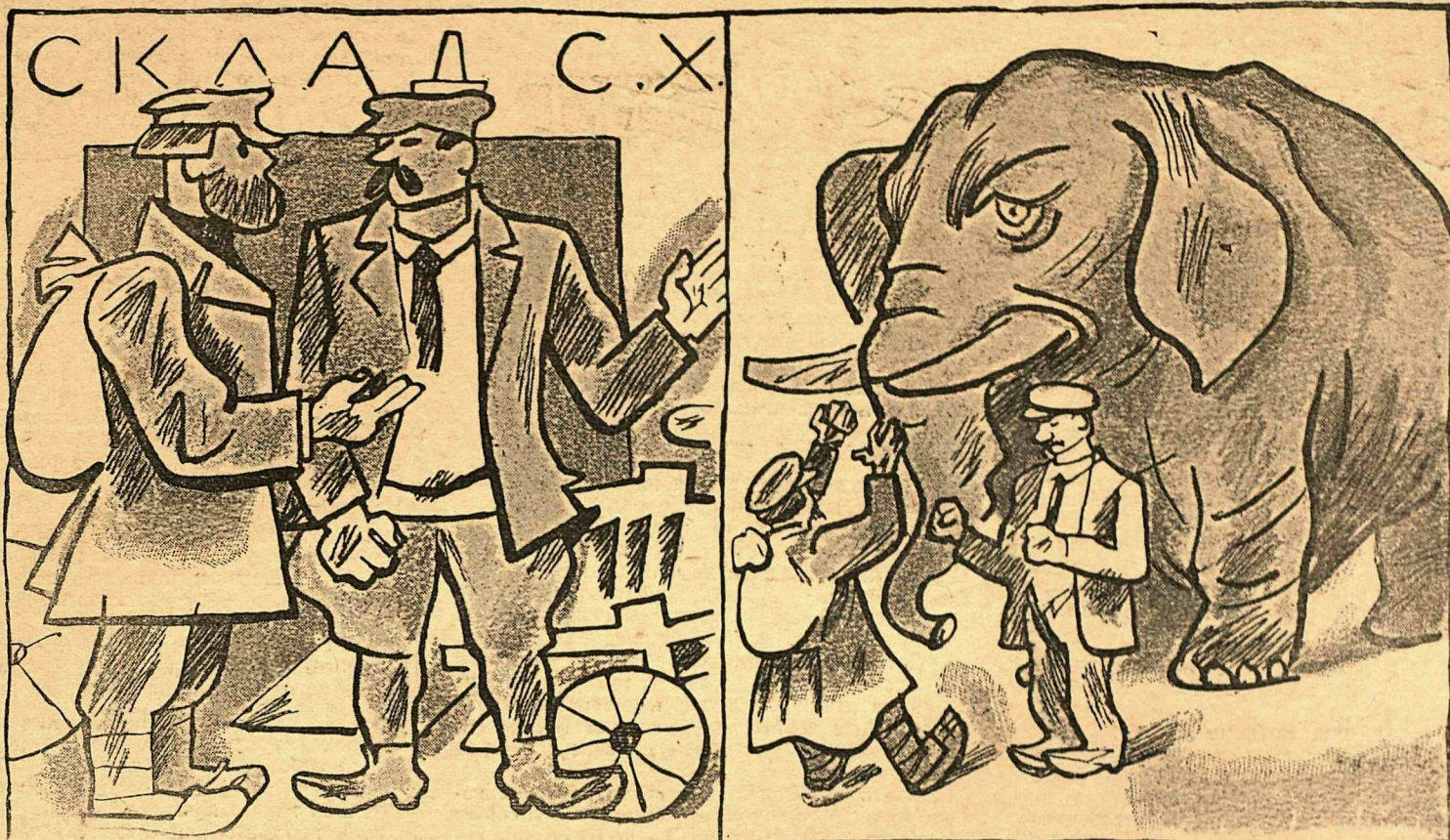
Принято единогласно.

Митькин.

БЕЗ ЗАПАСНОЙ ЧАСТИ.

Рис. Ив. Малютина.

Пришел крестьянин на с.-х. склад купить запасную шестеренку к лобогрейке, а ему и говорят:— Запасных частей нет. Бери целую машину.

Выходит так, что ежели понадобится тебе, скажем, ножик слоновой кости, то покупай целого слона.

Подмигнул Крокодил и сказал: — Применю-ка я эту систему к дирекции Сельмаштреста! И когда директор спросил за обедом вилку...

...То получил он вместо вилки вот что! А все потому, что не было одной запасной части. Думаешь, шестеренки? Нет, хорошей головы.

ЛЮДИ ИЗ ДЕПАРТАМЕНТА.

Казалось: приговор им подписан,
Давно разбиты их корабли, —
Но они живут—канцелярские крысы,—
Живут, купаясь в чернильной пыли.

Где-нибудь в дедрах финотдела,
Плотно приклеив просиженный зад,
Носом уткнувшись в толстенное „Дело“,
Сотни дел живых тормозят.

Скребнут подагрическими стопами
В мягких опойковых сапогах,

И на плечах—стара, как память,
Глухая куртка из альпага.

Жизнь презирая блеклым взором,
С бурой плесенью на висках
Шагают важно по коридорам,
Папку зажав в сухих руках.

Синяя папка, конторская книга—
Их без остатка взяли в плен.
Кажется: папку вынь—и мигом
Все обратятся в пыль и тлен.

Что им летних цветов охапка?
Новой стройки веселый стук?

Только папка, синяя папка,
Вечное „Дело“ высохших рук.

Давно департамент стал советом,
Но, верно, с трудом понимают они
Почему? Почему в календаре там
Сменил день Коммуны царские дни?

Наполнять бумагой за ящиком ящик
Они не устанут много дней,
Покамест жизнь занести в исходящих
Их не прикажет в книге своей.

Вас. Лебедев-Кумач.

ВМЯТЫ В БОК

ЖЕРТВЫ ПАСХИ.

Раньше бывало так—на рождество и на пасху городовою, дворник и га носчик почты приходили поздравлять, и добрый барин давал гривенник. Нынче это продельвается вот как:

«17 апреля с. г. ко мне пришел из местного почтового отделения разносчик почты, Савинков Петр, и предложил мне подписной лист для оказания помощи низовым служащим Учпристанского (Бийского уезда, Алтайской губ.) почтового-отделения в виду праздника святой пасхи. Среди жертвователей были подписи—секретаря райкома РКП(б), председателя коллегии райсоюза, члена бюро райкома тов. Барышева и священника местной церкви отца Любимова...»

Вот это, действительно, что называется—не щадя затрат, вести антирелигиозную пропаганду.

ЗАБЫЛ.

В Армавирском округе народный следователь Отрядского района, в разрешительных записках на свидание, пишет:

«Разрешается свидание с заключенным Садовским Георгием его жене Гарпине только через решетку и в присутствии стражника»...

Дорогой товарищ, народный следователь, запятовали, что-ли... Ведь, большей частью стражники сами сидят за решеткой. Если не верите, то спросите у любого надзирателя тюрьмы.

ГОНИ МОНЕТУ.

Астраханским милиционерам платят 22 рубля в месяц, но и эти деньги, несмотря на соответствующие статьи колдоговора, не выплачиваются во-время. Эти задержки ставят милиционеров в затруднительное положение и усиливают взяточничество.

Вот только с начальства, задерживающего зарплату, «взятки гладки»...

ГРОЗНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Председатель сессии нарсуда гор. Грозного т. Щелихов—враг проявления инициативы со стороны служащих и вообще всякого коллективного обсуждения вопросов. Такого же мнения держится прокурор гор. Грозного — Малюнов. В протоколе экономсовещания читаем: «Постановили по пункту 4-му: Вопрос по предложению тов. Зверенкова снимается, в виду того, что с места во время доклада, тов. Малиновым выражено к докладчику недоверие словами: какой-то секретарь будет вносить предложения, — вследствие чего в зале получился шум и ропот».

Какой-то секретарь вносит предложения, какой-то прокурор выражает недоверие, какой-то «Крокодил» об этом пишет, какие-то органы советской власти читают... До чего зазнался народ, в самом деле!.

РАЗГУЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Выписка из правил внутреннего распорядка Зырянского областного суда:

§ II. В уборной сохранять подобающую человеческой натуре чистоту, не давать разгула своим слабостям и не злоупотреблять уединением».

Предоблсуда (подпись).

Согласовано с месткомом.

Несчастные сотрудники областного суда. Не придется им больше в уборной «давать разгула своим слабостям». Не допустит зоркий глаз предоблсуда и чуткое ухо месткома...

Несчастные, несчастные сотрудники!

СВЕРХУРОЧНАЯ РАБОТА.

Учитесь, как надо стеречь свою жену:

«Командант станции Брянск, П. И. Пирогов, заставляет красноармейца и переписчика по вечерам или ночью провожать свою жену в клуб и в кино—и обратно».

Хорошо быть командантом ст. Брянск,—по крайней мере, жена уж от тебя никак не убежит.

ВАЖНАЯ ПРИЧИНА.

«Крокодилу» известно, что можно быть уволенным со службы по разным причинам,—и за то, что начальству не угодил, и за хорошую работу, и за то, что про кого-то заметку написал, и проч. и проч. Но вот такой случай в практике «Крокодила» первый раз:

«Телефонограмма № 295 брандмейстеру Якиманской части. Бранд-майор приказал уволить со службы пожарного рабочего Николая Ржевского за неодобрительное поведение».

Непонятно.

Может быть, он неодобрительно отзывался о бранд-майоре?

Тогда все правильно—и никаких вопросов.

НЕМЫЕ И ГОВОРУНЫ.

На фабрике «Коммунистический Авангард» (ст. Ундол) имеются четыре громкоговорителя, которые совершенно не говорят.

И там же: «в двух комнатах заводоуправления пять телефонов»...

Не потому ли четыре громкоговорителя онемели, что за них заводоуправление досыта наговорится.

СТОЛИЧНЫЕ ГРАМОТЕИ.

Перед нами накладная ст. Москва Сев. жел. дор., № 73791 на агит-литературу для ячейки РКП(б) № 6 при Иркутском губотделе ОГПУ. Там очень интересно расшифровано слово РКП. Оказывается это: «Ячейка Рабоче-крестьянской партии губполитуправления».

Политграмота — штука трудная. Учил, учил ее «Крокодил», но до рабоче-крестьянской партии губполитуправления все еще не дошел... Премудрость!..

СЕРДИТ, ДА НЕ СИЛЕН...

Зав. Джетысуйским губземупром Алимбаев взял с собой в Оренбург на съезд в качестве опытного землеустроителя гражд. Дмитриева, который и совласть землеустройством не занимался. Когда появилась заметка об этом в стенгазете «Око», зам. Алимбаева Башмаков вызвал к себе члена редколлегии Янушевского и заявил, что Алимбаев разгневался и требует сообщить фамилию автора заметки. Янушевского, отказавшегося сообщить фамилию, вызвали в губотдел труда, в губпрофсовет, а после его окончательного отказа сообщить фамилию автора, пришел телеграфный приказ от Алимбаева об удалении Янушевского, как не соответствующего своему назначению. Местком и губотдел труда отказались утвердить приказ об увольнении Янушевского.

Бодливой корове не только бог рог не дает... Советская власть тоже следит, чтобы они не отрастали...

ЧТО ТЫ СПИШЬ, ИСПОЛКОМ.

Госстрах отпустил на ремонтирование пожарных принадлежностей Н.Шимкусовой волости, Бат. у., Авт. чувашской области, 250 рублей. Волисполком спит и ничего не ремонтирует, говоря: «Успеется еще, ничего не горит».

Выспится волисполком, когда брюки председательские загорятся, только поздно уже будет.

НА КУРОРТЕ.

Рис. К. Ротова.

— Смотри, как здорово осел в гору идет. Ну, прямо, как племянник нашего директора.

НЕСЧАСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Рис. Ю. Ганфа.

Итальянский ученый нашел в Гималаях людей неизвестного доселе племени.
(Из газет).

БУРЖУАЗНЫЙ ПРОФЕССОР:—Ты, дикарь, не унывай. Я тебя открыл, и через две-три недели ты приблизишься к нашей высшей европейской культуре и примешь подлинно человеческий облик, как у меня!

ДРАМА В ШТАТЕ МИЧИГАН.

В штате Мичиган развита торговля женским молоком. Некоторые женщины зарабатывают на этом до 3.500 долларов за год.
Из газет,

Мистрис Рачмон дурна собой,
Блондинка, с носом утки,
Но у мистрис Рачмон удой
Шестнадцать ведер в сутки.
Жену ругает мистер Рис:
Красотка, будь вам пусто!..
Двух центов ломаных, мистрис,

Не взять у вас от бюста.
Вот вам развод, шагайте вой,
Ваш фонд был только дутым!..
И мистер Рис к мистрис Рачмон
Идет прямым маршрутом.
— Мистрис, не прячься с чувством в куст,
Склоняю я колена:
Мне на такой доходный бюст
Не жаль овса и сена!..
Мистрис Рачмон сказала: „Му!“,
Встряхнувши бюста тюки,
И, в знак удоиныости, ему
Дала подойник в руки.

И был кюрэ, и стала ночь,
И Рис мечтал упрямо,
Что у него родится дочь
Молочная, как мама.
Вдруг страшный возглас: „Берегись“..
И выстрел, и так дальше...
Шесть пуль в Рачмон былая Рис
Направила, без фальши.
Последний взгляд... Предсмертный стон...
И Рис воскликнул, воя:
— Погиб прекраснейший удой,
И бюст, и все такое...

М.

ДРУГ НАРОДА В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ.

В зимнее утро 28 января 1925 года внимание А. М. Макарова, содержателя колбасной в городе Енисейске, было привлечено свежесклеенной против его заведения афишей. Этот серый продолговатый мрачный лист вообще, даже с виду, не предвещал ничего хорошего. Но Макаров все же полюбопытствовал и прочитал:

Пролетарии все стран, соединяйтесь!
№ 1 28 января 1925 года, № 1.

ВЫЗЫВАЕМ
в пользу
МОПРА
ТОВАРИЩИ!

В настоящее время по всей Рабоче-крестьянской республике проводится неделя помощи борцам революции, томящимся в буржуазных тюрьмах за дело освобождения трудящихся всего мира от капиталистического гнета.

Райправление МОПР, проводя эту неделю, надеется, что каждый сознательный гражданин отзовется и пойдет навстречу столь великому делу — помощи братьям-рабочим и крестьянам, томящимся в иностранных тюрьмах.

ПРАВЛЕНИЕ.

Я, Минеев, вношу 5 рублей в пользу МОПР'а и вызываю в свою очередь внести столько же граждан Енисейска:

1) Яковлева, 2)... 3)... 4)... 5) Юкова (пивовара), 6) Гаврилова (содержателя постоянного двора), 7) Макарова (содержателя колбасной), и так далее.

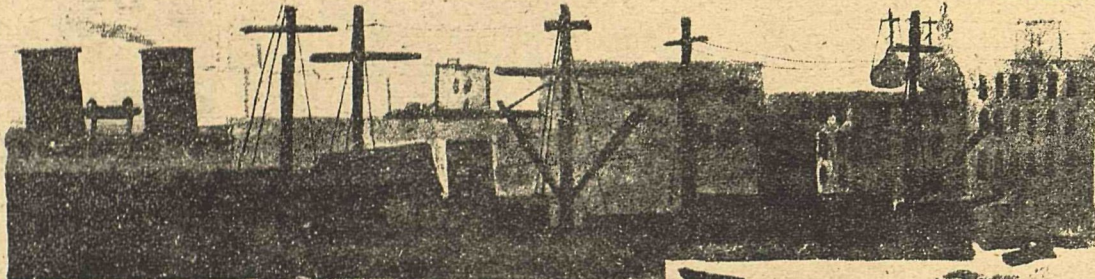
Дальше Макаров не читал.

Будучи человеком логическим, Макаров не понимал, почему, собственно, он значится в списке. Как будто такого мопровского налога и не существует. Да и, наконец, ведь дело освобождения трудящихся — дело самих трудящихся. Причем же он тут — содержатель колбасного заведения? И смущало слегка Макарова только применение в конце объявления:

О ФРУКТАХ.

В Ленинград прибыла партия заграничных фруктов.

Из газет.

МАТРОС: — Что они заграничные фрукты, — это видно сразу... Но вопрос, какой они партии?

«Лица, не принявшие вызова в течение трех дней, будут помещены на черную доску».

Прошло два дня. Еще что-то наклеивали на заборах. А к вечеру третьего дня появился небольшой лоскуток бумаги в черной рамке.

ЧЕРНАЯ ДОСКА.

Трудящийся! Прочти и запомни своих врагов, они не платят по вызовам в МОПР, они не хотят помочь рабочим и крестьянам, томящимся в буржуазных тюрьмах, за дело осуществления власти советов во всем мире.

ВОТ ОНИ:

1) Алтынбаев, 2) Дружинин (мясная торговля), 3) Макаров (содержатель колбасной), 4)... 5)... 6)...

Типография при Енисейском доме предварительного заключения.

Последняя строчка траурной афишки уже совсем явственно намекнула на возможные последствия.

— У них это очень просто, — подумал Макаров, — раз враг народа, да еще в международном масштабе, так церемониться не станут.

Макаров тяжело вздохнул и направился в отделение МОПР'а.

На следующий день на заборе красовалась другая траурная афиша:

ЧЕРНАЯ ДОСКА № 2.

Макаров на сей раз интересовался только примечанием, которое гласило:

«Доводится до сведения граждан Енисейска, что в № 1 черной доски были занесены гр. Макаров (колбасная торговля) и Алтынбаев. Такие считаются снявшимися с черной доски, в виду того, что вызовы ими внесены».

Так Макаров за одну пятерку из отъявленного врага народа моментально стал «другом народа», да еще в международном масштабе.

А когда покупатели удивлялись, почему это вдруг колбаса вздорожала сразу на 5 копеек, он хитро подмигивая, неизменно отвечал:

— Теперь мы друзья народа в международном масштабе. А, ведь, это чего-нибудь да стоит?!

Н. Цванкин.

БОРЬБА С ЖИЛКРИЗИСОМ.

При обследовании флигеля дома № 48 по Советской улице в Полтаве агент Коммухоза Коромушко обвалил угол дома, якобы с целью, чтобы его скорее отремонтировали.

Талантливый Коромушко должен расширить свои полезные работы по городскому благоустройству. Пускай свалит какой-нибудь трехэтажный домишко, а там, глядишь, по его рецепту целая улица вырастет.

СМЫЧКА НАОБОРОТ.

Крестьяне поселка «Прогресс», Тульско-го у., Босовского района, собрались близ Косой Горы делить землю. По полю, засеянному рожью, навстречу им катит П. Н. Морозов — член бюро местной ячейки РКП. В ответ на просьбы крестьян выехать на дорогу Морозов начал ругаться и заявил: «Где хочу, там и еду».

Этак далеко можно уехать: прямо в контрольную комиссию... И пословица сложена на этот случай: дальше едешь — тише будешь.

«ЗАСТАВЬ СОВДУРАКА АГИТАЦИЮ ВЕСТИ»...

Казанские ОДВФ-ские деятели выпустили следующий плакат:

Кто не член ОДВФ, тот не имеет права называться честным гражданином СССР, тот враг трудящихся, враг прогресса и революции».

Оно, конечно, такой прием, может, и подействует... Кому охота считаться «элементом» и контрреволюционером? Но все-таки — прибегать к таким приемам... как-то неудобно... Такой агитатор «не имеет права называться умным гражданином»...

ОТДЕЛЯЮЩИЕ ЦЕРКОВЬ ОТ ГОСУДАРСТВА.

«Крокодилом» получена копия официального письма ячейки станции «Попутной» на имя какого-то «священника Фоменко»:

Секретарю ячейки.

«Тов. Козловский! Г. Пачкуров просит, чтобы у церкви повенчаться, а потому на ваше распоряжение...»

Предсик (подпись)».

Резолюция:

«Разрешается произвести брак, т.е. венчание.

Секретарь ячейки И. Козловский».

Интересно, по какой церкви числится сам тов. Козловский: по живой или мертвой? И на какой должности состоит он в церковном управлении?

ПЕРЕПУТАЛИ.

Кременчугский союз швейпром постановил исключить из союза всех вступающих в брак швейниц.

Очевидно, в Кременчуге считают это постановление одной из форм борьбы с браком. Только имейте в виду, это не тот брак, а совсем другой.

ОКРИК С НАЖИМОМ.

Без музыки никак нельзя. А денег — кот наплакал. Но людям только кажется, будто денег нет. На самом деле они везде есть — нужно только суметь их найти.

«В Мозырское отделение «Хлебопродукта».

«Окрисполком просит выдать взаимнообразно на покупку инструментов для оркестра клуба имени Томского 100 рублей, сроком на три месяца, возврат которых Окрисполком гарантирует».

Прошло три месяца. Просят вернуть деньги, но получают от клуба довольно откровенный ответ:

«Денег у правления клуба нет и в ближайшее время не будет...».

А как же поручитель-то высокий? Президиум ОКРИК'а мудро разрешает вопрос:

«100 рублей, выданные оркестру... списать со счетов Хлебопродукта. В целях погашения долга оркестром, использовать его при съездах и конференциях».

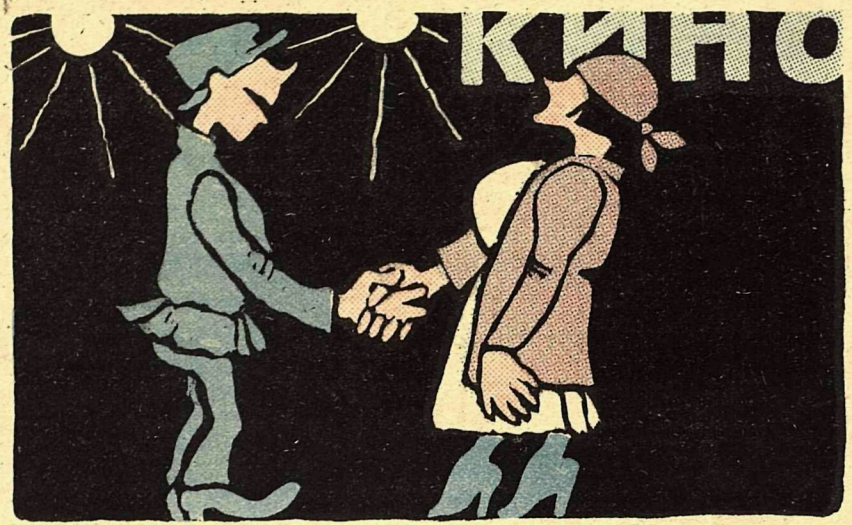
Вот это здорово! Поручиться смогли, а как платить, так посылают к китайскому богдыхану.

Учитесь, товарищи, у мозырских окриковцев, как быстро и просто можно увеличить накладные расходы любого учреждения, даже не ведомственного.

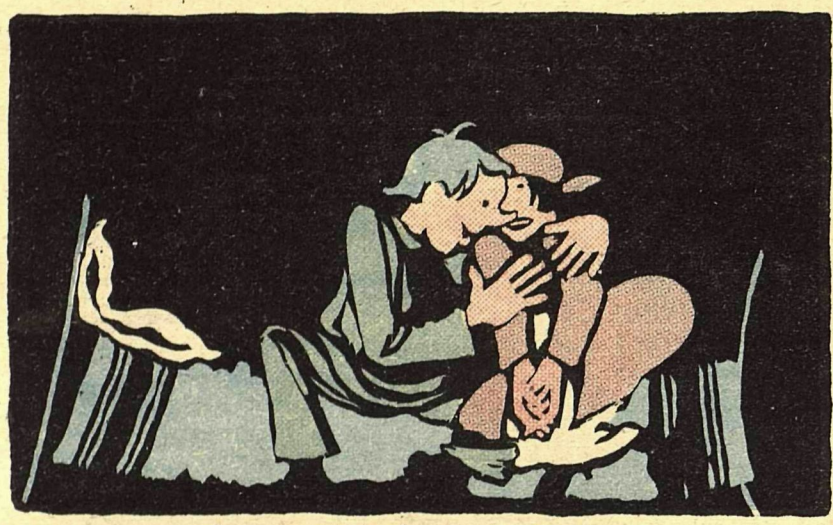
Н. Цв.

Понедельник — Скучно.

Вторник:—Пойдем в кино.

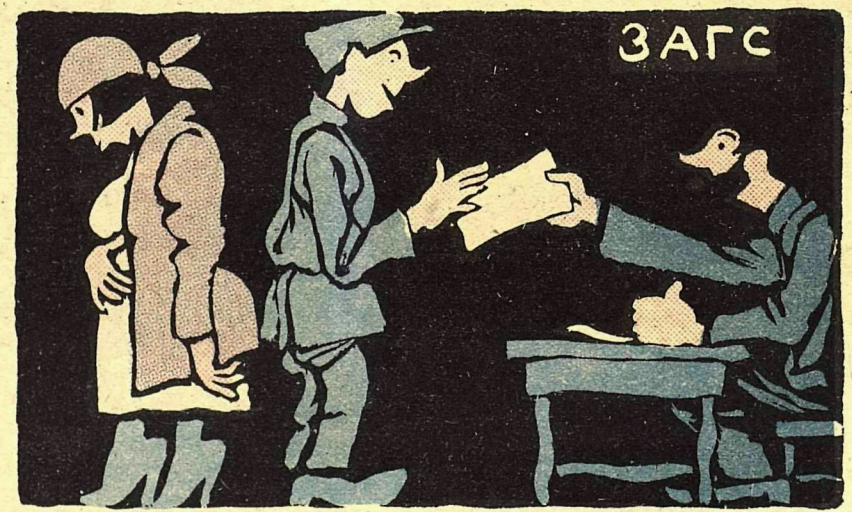
Среда:—Я люблю тебя. Пойми.

Четверг:—Запишите.

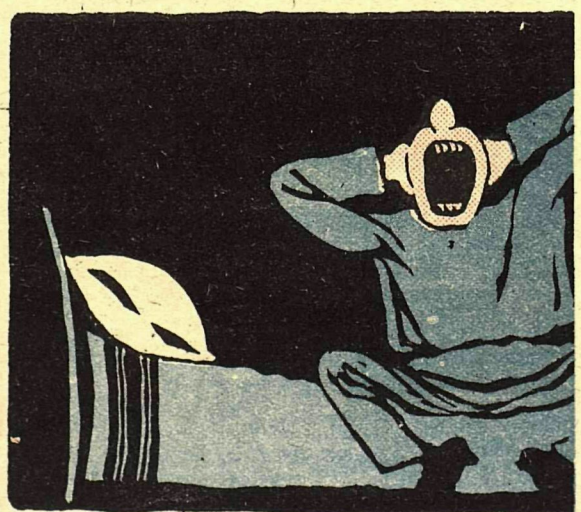
Пятница:—Ты мещанка!

Суббота:—Распишите нас!

Воскресенье:—Хорошо на свете жить одинокому.

Понедельник:—Скучно. (См. сначала, пока не надоест).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 КОМСОМОЛЦА
 1925